

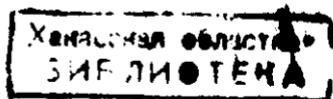
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Д. Д. Д. Д.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

· ВЫПУСК VII

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН — 1959

Л. Р. Кызласов

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ХАКАСОВ

Проблема происхождения любого из современных народов есть проблема большой сложности. Общеизвестно, что для решения ее недостаточно материалов лишь одной какой-либо науки, а необходим комплексный анализ данных целого ряда наук и прежде всего: истории, археологии, антропологии, лингвистики и этнографии.

Процессы формирования народов, изучаемые с позиций исторического материализма, раскрывают нам сложную динамику этногенеза тех или иных этнических групп, свидетельствующую о подлинном историческом их развитии. При этом следует иногда различать вопросы происхождения и развития языка от вопросов происхождения и развития того или иного народа, ибо язык зачастую мог восприниматься или же один язык мог одерживать победу над другим в период их взаимодействия.

Задача, таким образом, состоит в том, чтобы раскрыть, имеющимися в настоящее время, средствами науки процесс формирования самого народа, а не только языка, на котором он теперь говорит и на котором он полностью или частично мог и не говорить даже не в столь отдаленном прошлом.

I

Формирование современного хакасского народа имеет свою историю, которую следует начинать с весьма отдаленного времени, во всяком случае со II века до н. э. К этому выводу давно уже пришел крупнейший специалист по древней и средневековой истории народов Сибири чл.-корр. АН СССР С. В. Киселев. В своем капитальном труде «Древняя история Южной Сибири»¹, характеризуя терракотовые маски из погребений таштыкской эпохи (I в. до н. э. — V в. н. э.), он пишет: «...портретные погребальные маски позволяют сделать вывод очень

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, М.—Л., 1949 г.

большого исторического значения: они дают основание связать формирование современного хакасского населения со всей предшествующей историей Минусинской котловины. Они позволяют тем самым и приемников таштыкского населения, предков современных хакасов, енисейских кыргызов VI—X вв., считать народом, сложившимся на том этническом материале, который пережил столь сложные изменения в таштыкское время».¹

Исследования немногочисленных китайских письменных источников в сопоставлении с громадным археологическим материалом раскрывают картину сложных этнических преобразований в населении Хакасско-Минусинской котловины в период II—I вв. до н. э.

В так называемую «тагарскую эпоху» (VII—III вв. до н. э.) на этой территории проживало население, отличавшееся европеоидным физическим типом, говорившее на языке не тюркской языковой группы, которое китайские источники называли динлинами.

В конце III века до н. э. в Центральной Азии сложился мощный гуннский племенной союз, во главе которого стоял удачливый военачальник Модэ-шаньюй. Годы его пребывания у власти (209 — 174 гг. до н. э.) ознаменовались началом широкой экспансии гуннов на Китай и окружающие их инородные племена, находившиеся, как и гунны, на стадии разложения первобытно-общинных порядков.

Как известно, эпоха разложения первобытно-общинного строя и перехода к классовому обществу характеризуется значительным усилением межплеменных столкновений, ведущих, при взаимодействии и смешивании разнородных этнических компонентов, к сильному изменению этнической карты той или иной географической области, к появлению новых родоплеменных общностей.

Под 201 г. до н. э. китайские источники, среди прочих покоренных гуннами племен, называют динлин и гэ-гунь или гяньгунь. Так впервые в источниках появился этноним гяньгунь, который, по мнению большинства ученых, есть ранняя китайская транскрипция имени тюркоязычных кыргызов. И действительно, даже в китайском тексте IX в. на известном Хара-балгасунском памятнике кыргызы названы именно гяньгунями, как, впрочем, это имя упомянуто и в других китайских источниках VIII—XI вв. Если динлины населяли в тагарскую эпоху Хакасско-Минусинскую котловину, то гяньгуни тогда жили в Северо-западной Монголии в районе современного озера Кыргыз-нур; территория же современной Тувы была заселена племенами — создателями так называемой «уюкской» культуры. Таким образом, шедшие с юга гунны в 201 г. захватили Северо-западную

¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 256.

Монголию, Туву и Хакасско-Минусинскую котловину, разгромив военную силу существовавшие там племенные союзы гяньгуней, уюкцев и динлин. Сравнительно скупые сообщения письменных источников хорошо подтверждаются и конкретизируются археологическими данными. Именно в конце III в. до н. э. заканчивают свое существование цветущие культуры раннего железного века: уюкская в Туве¹ и тагарская на Среднем Енисее.

На территории Хакасско-Минусинской котловины первый период владычества гуннов продолжался с 201, примерно, по 74 г. до н. э. В это время здесь впервые появляются тюркоязычные племена—гяньгуни, часть которых под натиском гуннов, а возможно и в результате принудительного переселения, попадает на Средний Енисей. Их появление нашло отражение в археологических материалах, которые, однако, свидетельствуют и о том, что сами гунны не поселились здесь, оставив лишь, видимо, свои гарнизоны во главе с наместником. Таким наместником в начале I в. до н. э. был известный китайский полководец Ли Лин, попавший в плен к гуннам в 99 г. до н. э. Дворец Ли Лина, в 9 км к ЮЗ от г. Абакана, был раскопан археологами.

После смерти Ли Лина в 74 г. до н. э. гяньгуни вместе с оставшимися динлинами составили антигуннскую коалицию, освободились от гуннов и на протяжении четверти века вели борьбу с ними, совершая военные набеги через Туву на Центральную Азию.

Однако в 49 г. до н. э. северные гунны, во главе с Чжичжиданьюем, вновь на короткий срок завоевали все эти территории, причем Чжичжи с огромной армией поселился на родине гяньгуней в районе озера Кыргыз-нур. С этими событиями связано новое вытеснение тюркоязычных гяньгуней со старых мест и переселение их к северным сородичам в Хакасско-Минусинскую котловину. Эта волна переселенцев во взаимодействии с динлинами и заложила здесь основы новой таштыкской культуры, начало которой относится как раз к середине I в. до н. э.

Таковы основные события (не вдаваясь в детали), которые привели во II — I вв. до н. э. к первому появлению тюркоязычного населения в Хакасско-Минусинской котловине и к его взаимодействию с оставшимися здесь аборигенными не тюркоязычными племенами. Естественно, что в основной своей массе тюркоязычные гяньгуни — кыргызы и пришедшие с ними тувинские уюкцы, антропологически смешанные или принадлежавшие к центрально-азиатскому монголоидному типу, привели к сильному изменению физических особенностей населения Хакасско-Минусинской котловины, которое, как уже указывалось, было до этого времени европеоидным.

¹ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1958, № 4.

Именно этот процесс кратко отмечен в китайской истории династии Тан (Таншу), где о кыргызах—гяньгунях, уже живущих на Енисее, сказано: «Их племена смешались с динлинами».

Тюркские языки, как известно, к современности (XIX в.) вышли победителями у коренных народов на всем Саяно-Алтайском изгорье, однако, как в раннюю эпоху их появления, так и в средневековье, вплоть до начала XIX в., на территории Хакасско-Минусинской котловины и окружающих ее горно-таежных районов всегда жила группа племен, различающихся как по своему происхождению, так и по языку. Эта исторически сложившаяся со времени II — I вв. до н. э. — V в. н. э. этническая пестрота населения является важнейшей особенностью этногенетического процесса, протекавшего в Хакасско-Минусинской котловине, без учета которой невозможно понять не только этногенез хакасов, но и решать вопросы происхождения ряда современных народов Сибири, причем не только южных, но и северных ее областей.

II

Твердо установив, что тюркоязычность на Среднем Енисее появилась лишь во II — I вв. до н. э., можем ли мы выяснить, не имея никаких письменных сообщений, на каких языках говорили жившие здесь люди до прихода тюркоязычных кыргызов? Да, до известной степени можем, если привлечем для этого один из важнейших источников, к которому, к сожалению, мало обращаются наши ученые и, в первую очередь, лингвисты. Источником этим является топонимика — главным образом древние названия рек, которые, в большинстве своем, сохраняются даже при смене языка населения на данной территории. В эти названия рек входит обычно элемент в значении «вода», «река» на аборигенном языке, к которому затем, при смене языка, иногда вновь добавляется «вода» или «река» на новом языке без существенного изменения старого названия, что свидетельствует о непонимании последнего новым населением этих мест.

Анализ топонимики Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих к ней районов свидетельствует о том, что наряду с наслоившимися тюркскими топонимами более позднего происхождения здесь в основном господствовали топонимы разъясняющиеся из угорских и самодийских языков.

По-самодийски: «бю» (тазовские), «би» (энцы), «бу» (койбалы и маторы) — «вода». Этот термин носят следующие названия рек: Холба, Тайба, Колба, Салба (приток Убея), Карасиба, Тебе, Сейба, Буйба, Ирба, Туба, Салба (приток Кебежа), Анбу, Ерба (Чорба) и т. д.

Чрезвычайно важно, что эти названия рек встречаются на единой территории, которая охватывает целиком Восточные Саяны (от р. Оки на востоке и до Енисея на западе), часть За-

падно-Саянского хребта, где они заходят на левобережье Енисея, так же как и в районе Ерба (Чорба).

Такая географическая локализация этих топонимов, преимущественно в горно-таежном районе енисейского правобережья, т. е. как раз на территории исторически зафиксированного расселения, ныне полностью отореченных, но еще до начала XIX в. сохранявших элементы родного языка, самоедоязычных групп (койбалы, маторы, карагасы, часть камасинцев) — позволяет утверждать, что указанные выше топонимы являются безусловно самодийскими, свидетельствующими об исконном заселении самодийцами этого района.

Угорские топонимы распространены на другой территории. Они охватывают южную и, отчасти, западную часть Хакасии и весь Северный Алтай¹ от Горной Шории до Кемерово.

Известно, что угорские термины «ас» или «ес» означают река. По-хантски «ас» соответственно — «большая река» и, в частности, Обь просто называется Ас или Ес, также называют некоторые группы мансей и р. Иртыш — Ас или же Катан-ес, т. е. «татарская река». Енисей по-угорски — Кокынг-ес, р. Таз-Тасмес и т. д. Термины «ас» и «ес» входят и в такие слова хантов, как «пас» — протока, «оуес» — низовье реки, «натес» — ручей. Все это свидетельствует о том, что в древности термины «ас» и «ес» в значении «река» — «большая река» и, очевидно, «вода» (ср. маньсийское «Ась» — море) в угорских диалектах были более широко распространены, чем в настоящее время.

И вот в указанных местах Саяно-Алтайского нагорья распространены очень древние названия рек, которые расшифровать с тюркских языков и которые являются угорскими. В Хакасии это: Асхыс (Аскиз), Ес-сух или Ис-сух (образующаяся при слиянии рек М. Есь и Б. Есь), Тес-сух, Бес-сух, Магазы-сух, Базы-сух, Избас, Албас, Сарас и т. д. На Сев. Алтае: Мрас-су, Тельбес-су, Терес-су, Кырмес, Тесь, Бадавас, Каз, Ту-туяс, Антибес, Кельбес, Кибрас и др.²

Названия речек в форме Ес-сух, Бес-сух, Базы-сух (Хакасия) и Мрас-су, Терес-су, Тельбес-су (Сев. Алтай) доказывают, что тюркский термин «сух» (хакасы) и «су» (шорцы) — «вода, река» присоединен к более древней угорской основе, в которую входило угорское «ас» — «ес», само уже означающее «реку, воду».

Аналогичная топонимика есть как раз в Западной Сибири в местах, где жили раньше или же и сейчас живут ханты. Например, в районе расселения селькупов: Нопас-кы, Локес-кы, Косес и др.; в районе расселения хантов: Тартас, Туртас, Таурас, Рогарес, Кутис, Атнис; рч. Порос у Томска и т. д. Причем здесь

¹ Кроме того, они встречаются и в Северо-восточной Туве.

² В Северо-восточной Туве: Мынас, Хор-ос, Кадыр-ос, Кадрос, Тооргуоос-хем и др.

уже угорское название не имеет более поздних наслоений вроде тюркского «сух» — «су» или селькупского «кы».

Есть и еще одна группа угорских топонимов, распространенная на тех же территориях, с окончанием на «сос», «зос», «зас», «сас» от угорского «сос» (шош) — «речка, ручей». Это действительно небольшие речки — притоки: Сос, Онзос, Кызас, Канзас, Анзас, Кайзас, Хабзас (Хакасия), Пызас, Майзас, Узас, Калзас, Сынзас, Базас, Укзас, Барзас, Алзас и т. д. (Сев. Алтай)¹.

Те же топонимы известны также только в Западной Сибири: реки и поселки Узас, Майзасс, Кейзасс на правых притоках р. Тары и речки Айзас в бассейне Васюгана.

Следует отметить, что некоторые современные исследователи, вслед за В. В. Радловым, ошибочно считают, что топонимы Саяно-Алтайского нагорья с окончанием на «зас» — «сас» являются кетскими (от кетского «сес» (шес) — «река, ручей»). Но это невозможно по следующим существенным обстоятельствам:

1) кетское «сас», из которого можно было бы объяснить «зас» — «сас», является множественным числом от «сес» и означает «реки». В таком значении оно не могло входить в окончание названия одной речки;

2) на территориях прежнего и современного расселения кетоязычных племен (аринов, ассанов, коттов, части камасинцев и современных кетов) нет названий рек с вышеприведенными топонимами. Там распространены топонимы с окончанием на «дат», «тет» от коттского «сет» (шет) — речка и аринского «сат» — река (Итат, Чердат, Ирдет, Тюхтет, Тайшет и др.) и «ул» от кетского «ули» — «уль» — вода (Агул — приток Кана, Тагул, Ибрьюль и т. д., да и сам Кан переводится с кетского, как «путь, дорога»);

3) современные данные по этнографии кетов не находят никаких связей с археологическими культурами Хакасии и Северного Алтая.

Таким образом, эти топонимы безусловно угорские. «Зас» — «сас» есть лишь современное тюркское звучание угорского «сос» — речка, которое, впрочем, сохранилось в Хакасии и в прямом своем произношении — речки Сос, Онзос и др. (ср., однако, рч. Айсаз, Узас и др. в Западной Сибири).

В древности на всех этих территориях угорских топонимов было неизмеримо больше, что, например, наглядно видно и по самым старым картам этих районов в «Чертежной книге Сибири», составленной известным русским картографом С. У. Ремезовым в 1701 г. По этим картам видно, что сходные по топонимике районы Алтае-Саянского нагорья и Западной Сибири тогда еще не имели разрыва, составляя единую топонимическую область.

¹ В Северо-восточной Туве им соответствуют речки Азас и Казас.

Кроме того, на «Чертеже земли Красноярского города» Ремезовым показан правый приток Енисея — Язагал, т. е. Асигал, что по-угорски значит буквально «малый приток большой реки», ибо «игал» на ваховском диалекте хантыйского языка означает «малый приток реки». Это, очевидно, подтверждает, что раньше угры, некогда жившие на Енисее, называли его так же Ас. как и их потомки.

Отметим, что р. Чулым чулымскими тюрками, по данным С. Е. Малова, называется Цёйм, что совпадает с хантским «сойм» — одно из значений реки¹.

Из приведенного анализа топонимики представляется несомненным, что в дотюркскую эпоху угры населяли левобережье Хакасско-Минусинской котловины и Северный Алтай², а самодийцы — правобережье котловины и восточные Саяны.

Угорские и самодийские топонимы имеют то чрезвычайно важное значение, что они доказывают распространённость здесь до II — I вв. до н. э. угорских и самодийских этнических групп, в которые во II — I вв. до н. э. впервые влились тюркоязычные кыргызы — гяньгуни.

III

Находят ли вышеразобранные топонимы соответствие в исторических материалах того времени? Да, находят и в первую очередь в археологических памятниках тагарско-таштыкского переходного этапа (II — I вв. до н. э.) и памятниках таштыкской эпохи (I в. до н. э. — V в. н. э.). Не имея возможности излагать здесь в деталях специальный анализ археологических материалов, который, кстати, изложен в книге скоро выходящей в свет, позволю себе кратко остановиться лишь на основном.

После удара гуннов в 201 г. до н. э. часть разбитых тагарских угров (динлинов) бежала из привычных им степей в северную лесостепную зону по линии Красноярск-Мариинск, где впервые в это время появились тагарские курганы конца II-й и III-й стадии, датирующиеся II — I вв. до н. э. Это бегство положило начало первому проникновению ранних угров в Западную Сибирь, которое зафиксировано пока появлением на Оби целой серии тагарских комплексов этого времени. Но значительная часть динлинов осталась на прежней своей родине, попав в зависимость от гуннов и вступив во взаимодействие с пришлыми тюркоязычными кыргызами — гяньгунями, что привело к сложению здесь новой таштыкской культуры и сложению смешанного физического типа этой раннеугорской этнической общности, которая на раннеташтыкском этапе (I в. до н. э. — I в. н. э.) достаточно отличалась от пришельцев. Различие проявилось в

¹ Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, СПб., 1909.

² А также, очевидно, центральный район Северо-восточной Тувы.

обособленном устройстве могильных сооружений, главным образом грунтовых могил, с преобладающим обрядом труположений с тагарскими масками и погребальными куклами, в то время как пришлые кыргызы с частью «непоследовательных» угров хоронили в склепах, представляющих собой полуземлянки с деревянной конструкцией.

Грунтовые могилы дали большой палеоэтнографический комплекс явлений материльной и духовной культуры, который целиком совпадает с современным хантским и не находит себе (как комплекс) параллелей ни в других археологических культурах, ни в этнографии современных народов Сибири. Это подтверждается палеоантропологическими исследованиями Г. Ф. Дебеца, который, изучив черепа из раннетагытских грунтовых могил, пришел к выводу, что «они сходны скорее всего с остяками».¹

Постепенно пришлые кыргызы, после окончательного освобождения от гуннов в 30-х годах I в. до н. э., стали оказывать сильное давление на ранних угров, которые ко II в. н. э. в значительной своей части удалились вниз по течению Томи на Обь, вслед за своими тагарскими предками. Это переселение находит свое отражение и в археологических материалах с территорий Верхней и Средней Оби, а также нашло свое отражение в том, что грунтовые могилы, до того бывшие многочисленными, со II в. н. э. уже не сооружались на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Что касается самодийских племен в эту эпоху, то их памятники, ввиду недостаточной археологической изученности Восточного Саяна, в основной своей массе еще не выяснены. Но следует указать, что памятники правого берега Енисея настолько существенно различались в тагытскую эпоху от левобережных, что есть основание предполагать этническую обособленность оставившего их населения, которое возможно было самодийским по языку. Наиболее важным археологическим свидетельством присутствия самодийцев являются сделанные нами, в одном из склепов на Сырах, находки двух статуй взнузданных северных оленей, являющихся свидетельством того, что в первые века н. э. в горно-таежном окружении Хакасско-Минусинской котловины жили охотники-оленоводы, а таковыми всегда, за всю их историю, были самодийские племена, впоследствии распространившие оленеводство по всему сибирскому Северу.

После того, как около середины I в. н. э. основная масса ранних угров—потомков тагарских динлинов, послужившая ядром для сложения современных обских угров (конкретно хантов), удалилась из Хакасско-Минусинской котловины в Западную Сибирь, часть их продолжала оставаться, смешавшись с кыргызами и войдя в их племенной состав. Свидетельством тому являются многочисленные факты сохранения сильных тагарских

¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М. - Л., 1948, стр. 130.

традиций и специфических угорских черт в памятниках II — V вв. Вместе с тем некоторые родовые группы угров продолжали жить, в особенности в горно-таежных местах, сохраняя в относительной чистоте свой физический тип и язык, благодаря изоляции от тюркоязычного населения.

Кроме того, имеются факты, свидетельствующие о замедленном процессе отюречивания и ассимиляции угров и самодийцев также непосредственно в степной зоне, что объясняется малочисленностью тюркоязычного кыргызского населения.

Итак, в период первых пяти веков нашей эры следует констатировать этническую неоднородность и пестроту родового состава у населения Хакасско-Минусинской котловины, где наряду с тюркоязычными кыргызами продолжали жить угроязычные потомки динлинов и самодийские группы. Эта особенность этногенетического процесса наложила яркий отпечаток на все дальнейшее его развитие вплоть до образования современного хакасского народа.

В этом отношении показательно неоднократно высказанное мнение известного антрополога Г. Ф. Дебеца о том, что относительно слабая монголидность хакасов, по всей вероятности, объясняется сохранением в их составе древнего европеоидного типа минусинских степей, господствовавшего там в тагарское время. Погребальные маски таштыкской культуры характеризуются теми же признаками, что современные сагайцы и бельтыры¹.

IV

Теперь рассмотрим период VI — X вв., вошедший в историю, как период древнехакасского государства, сложившегося в VI в. Ассимиляция не закончилась и в это время. Имеется целый ряд свидетельств того, что древние хакасы не были чем-то цельным в этническом отношении, а состояли из ряда племен, различающихся между собою и по происхождению и по языку, хотя в то время уже слагалось тюркоязычное ядро в результате тюркизации части угров и самоедов.

Именно в этот период впервые в исторических источниках появляются термины «хакас» и «кыргыз» для обозначения населения Хакасско-Минусинской котловины. Термин «хакас» встречается лишь в очень осведомленных китайских источниках, и появляется он после того, как, по свидетельству истории династии Тан, гяньгуньские «племена смешались с динлинами»².

¹ ТИЭ, новая серия, т. II, М.—Л., 1951, стр. 131.

² Китайцы писали именно «хакас», а не «хягас» или «хагас». Правильность этого чтения еще в конце XIX в. доказана известным немецким сиологом В. Шоттом, обосновавшим его произношение фонетически с помощью южно-китайских диалектов. См.

W. Schott Über die ächten Kirgisen. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1865, стр. 437 и 473.

Западноевропейские, арабо- и персоязычные авторы, а также памятники орхонских тюрок употребляли термин «кыргыз», первое упоминание которого относится к VI в. в сообщениях византийского историка Менандра¹.

Этническая неоднородность древних хакасов проявляется в целом ряде фактов. К этому времени, как известно, относится появление на Енисее своей письменности на тюркском языке, так называемой «енисейской письменности». И вот любопытно, что в енисейских письменных памятниках (эпитафиях на каменных стелах, надписях на скалах и отдельных предметах), найденных в большом числе как в Хакасско-Минусинской котловине, так и в Туве, ни разу не упоминается имени кыргыз, но всегда лишь название отдельных племен. Фактически нет никаких данных считать, что термин «кыргыз» является самоназванием всех племен, входивших в состав древнехакасского государства. Тюркоязычные кыргызы, будучи ядром объединявшим и возглавлявшим разноязычные племена и роды (угорские и самодийские), входившие в одно государственное целое, продолжали оставаться малочисленными. Недаром в известном памятнике древнетюркского полководства Кюль-тегина (VIII в.) сказано при описании войны орхонских тюрок с кыргызами: «мы завели порядок в немногочисленном народе кыргызов»².

Именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве, население которого составляли разноязычные родоплеменные группы, орхонские тюрки и западные авторы называли все эти племена кыргызами.

Но по той же причине хорошо осведомленные китайцы в эпоху Тан называли их не кыргызами, а хакасами, хотя собственно термин «кыргыз» (в китайской транскрипции — гяньгунь) был им известен и именно он употреблен в китайском тексте Харабалгасунского памятника IX в.³ и в ряде источников VIII в. («Ю-ян-ца-цзу» и др.).

В чем же здесь дело? А дело, видимо, в том, что китайское «хакас», вопреки мнению ряда исследователей, не является транскрипцией тюркского слова «кыргыз», которое китайцы ранее и в эту эпоху транскрибировали, очевидно, как гяньгунь, а позднее, в истории династии Юань (Юаньши, XIII—XIV вв.), передавали гораздо точнее в форме «ки-ли-цзе» (цилицизы).

Кигаийский термин «хакас» гораздо шире, чем «кыргыз», и точнее, ибо это имя действительно охватывало все, в том числе и кыргызские, разноязычные племена, входившие в древнеха-

¹ См. «Византийские историки», перевод с греческого С. Дестуниса. СПб., 1861, стр. 379.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. стр. 39.

³ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung SPb, 1895, стр. 289.

касское государство. По недавно высказанному предположению покойного С. Е. Малова, китайское «хакас» происходит от «карагас»: «Ведь китайцы под хакасами—карагасами могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами».¹ Это мнение С. Е. Малова уже близко к истине, однако, оно не может считаться решением вопроса.

Термин «хакас», употребляемый правильно китайцами, не являлся собственно китайским, так как в китайской транскрипции его иероглифы употреблены исключительно в фонетической роли и поэтому варьируются, утрачивая присущий им собственный смысл. Так китайцы транскрибируют лишь чужеземные слова.

Совершенно ясно, что сохранный китайскими летописями термин «хакас» является местным термином. Как его расшифровать?

Как известно, долгие гласные в современном хакасском языке имеют вторичное образование в результате стяжения двух гласных вследствие выпадения согласного между ними, чаще всего г, ғ, к, х и нь. Сравните: хака. «оол» и древнетюркское «огул» в значении «сын, парень», хака. «аас» и древнетюрк. «агыз» — «рот».

С этой точки зрения представляется, что совершенно прав тюрколог Н. Г. Доможаков, выявивший недавно, что древнее «хакас» является нестяженной формой слова «хаас», в котором теперь выпал звук «к» или «г». А «хаас», как известно, есть самоназвание одной из групп хакасов, неточно по-русски называемых качинцами².

При всем том и древнее «хакас» и современное «хаас» не являются изначально тюркскими терминами так же, как и «карагас», т. к. они не переводятся и не осмысляются с тюркских языков. Это термины самодийские. Здесь большую важность имеет доказанный исследователем самодийских народов Г. Н. Прокофьевым факт, что термин «кас»—«хас» является самодийским в значении «человек, мужчина, люди» и что он входит в самоназвание ряда самодийских племен, в древности распространившихся на север с Алтае-Саянского нагорья (сравни: «хасава» — самоназвание ненцев). По Г. Н. Прокофьеву «карагас» просто переводится «журавлиные люди»³.

Помимо самоназвания «хаас», основное ядро хакасской группы хаасов, как известно, составляют сеоки и их подразделения с наименованиями «хасха»: ах-хасха, паратан-хасха, тайджан-хасха и үс-хасха, в которые также входит этноним «хас».

¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 7.

² Н. Г. Доможаков. О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов. «Записки» ХАННИИЯЛИ, вып. IV, Абакан, 1956, стр. 65.

³ Г. Н. Прокофьев. Этнология народностей Обь-Енисейского бассейна. Сб. СЭ, т. III, М.—Л., 1940, стр. 69—74.

Этот этноним входит и в отмеченные Н. Г. Доможаковым наименования групп, не являющихся родовыми: хара хаас, кюк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) и т. д. Следовательно, широко распространяясь у хакасов, этноним «хаас» имеет несомненно самодийское происхождение, так же как и самоназвание ныне тюркоязычных, а прежде, как это исторически нам известно, в основном самоедоязычных, соседних с хакасами карагасов (сеоки «каш» и «сарыг каш») и кашинцев XVII в. Это только доказывает, что основное ядро качинцев является отюреченными в глубокой древности самодийцами, сохранившими до нашего времени свое самоназвание. Судя по древности качинского языка, этот процесс проходил еще в эпоху древнехакасского государства VI—X вв.¹

Таким образом, древний термин «хакас» правильно характеризует разноязычное население этого государства, ибо в нем содержится первое свидетельство наличия, наряду с кыргызами—гяньгунями, «касских» самодийских по происхождению племен.

Прямые, на этот раз языковые, подтверждения этому находим в Таншу и других китайских источниках VI—X вв.

Там, с одной стороны, среди упоминаемых хакасских слов имеются явно тюркские, по-китайски транскрибированные слова: «гань» (кам)—шаман, «бей»—бег, «ай»—месяц, «сзе-му» (сын)—марал, «меу-сзе» (мус)—лед, «со» (сол)—левый и т. п. Но в то же время, рядом с ними, фигурируют и самодийские слова: «кя-са» или «цзя-ша» (кысе)—железо (а не тюркское «темир»), «мидичжита» (меади—миди)—место палатки, «А-бу»—р. Абакан (с явным самодийским топонимом «бу»—вода) и др.

Даже сам титул государя (кагана) хакасов Ажо не является транскрипцией тюркского «каган» или «хан», а лишь самодийским: «асе»—отец, в значении—«отец страны».

Весьма вероятно, что и приводимое китайцами название Енисея «Кян», которое можно читать и как Кем или Ким, происходит от самодийского «ке» или «кы»—река (ср. хак. «ким» и тувинское «хем»), так как в тюркских языках, кроме языков современных народов Алтае-Саянского нагорья, такого термина в значении «реки» или «воды» нет, а на территории самоедоязычных селькупов имеются названия рек Кем и Кемчуг.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что и в VI—X вв., подобно периоду I—V вв., на территории Хакасско-Минусинской котловины существовала этническая пестрота населения. Здесь, наряду с тюркоязычными кыргызами и уграми, проживали и имели большую силу самодийские родоплемен-

¹ Впервые это высказано нами в рецензии на книгу Л. П. Потапова, Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, в журнале «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 149—153.

ные группы. Однако здесь же жила и уже отюреченная часть угров и самоедов, расселяясь в степной части котловины.

Кроме того, в этот период времени сюда проникают алтайские и центрально-азиатские тюрки, что нашло себе отражение как в письменных, так и в археологических данных. Первые сведения об этом содержатся в упоминавшемся уже орхонском тексте памятника Кюль-тегина. Там говорится, что в начале VIII в. каган орхонских тюрков Мочжо (Капаган-каган) после победоносного похода выслел часть кыргызов из долины Енисея и их землю передал тюркам. Это видно и по археологическим данным, в особенности для IX—X вв., т. е. для времени, когда хакасы, руководимые кыргызами, разгромили в 840 г. каганат уйгуров и включили в свое государство Алтай, Туву и Центральную Азию. Население этого государства, естественно, стало еще более пестрым в этническом отношении. Для этого времени археологи зафиксировали на Среднем Енисее значительный прилив тюркского населения, резко выделяющегося свойственным ему с древности алтайским обрядом погребения с конем, в то время как для кыргызов—гяньгуней уже со II в. до н. э. был характерен лишь обряд трупосожжений, зафиксированный археологами, что совершенно совпадает и с сообщениями разноязычных восточных¹ и западных авторов от VI вплоть до XVII в.²

К тому же времени относятся погребения по обряду трупосожжения с хакасскими вещами, которые также впервые появились на территориях Алтая, Тувы и Центральной Азии.

Из-за устойчивого обряда трупосожжений, к сожалению, мы не имеем краниологического материала и, следовательно, не имеем представления о физическом типе кыргызов. Исключением являются таштыкские погребальные маски II—III вв., которые, по-видимому, позволяют говорить о смешанном типе, хотя среди них встречаются европеоидные и монголоидные маски, что само по себе подчеркивает неоднородность, механическую смешанность типов и характеризует все население, а не только кыргызов.

¹ Китайская история династии Тан (Таншу) сообщает о похоронах хакасов VI—X вв. следующее: «Обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости чрез год погребают».

² О погребениях кыргызов в анонимном сочинении (написанном в X в. по-персидски) «Худум ал-Алам» сказано: «Они почитают огонь и сжигают мертвых». Автор XI в. перс Гардизи в своем сочинении «Украшение известий» писал: «Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых, и говорят: «Огонь — самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов» (см. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. СПб., 1897, стр. 111). Арабский автор XII в. Тахир Марвази в книге «О Китае, тюрках и Индии» сообщает, что кыргызы «имеют обычай сжигать мертвых, утверждая, что огонь их очищает» и добавляет, что «это есть их древний обычай». О сведениях XVII в. см. ниже.

О физическом типе хакасов VI—X вв. мы имеем представление по письменным источникам того времени, среди которых китайские наиболее подробны.

В Таншу говорится: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин» (китайского полководца—наместника гуннов,—Л. К.). В этой характеристике Таншу хорошо отражен смешанный состав хакасов, среди которых, наряду с рыжеволосыми и голубоглазыми потомками динлинов, были черноволосые и кареглазые люди.

Персидский автор XI в. Гардизи, заимствовавший свои данные у арабского географа VIII в. Ибн-Мукаффы, сообщает о том, что у кыргызов «красные волосы и белая кожа».

Эти данные отмечают значительное своеобразие древних хакасов, отличающее их от типичных монголоидов и свидетельствующее об устойчивости черт старого динлинского типа. Следует также отметить прямое указание одного китайского источника VIII в. («Ю-ян-ца-цзу», глава 4, стр. 2), где подчеркнута различное происхождение собственно кыргызов и орхонских тюрок: «Племена гяньгунь не принадлежат к расе волков» (т. е. тюрок,—Л. К.).

V

Приведенные выше данные по этническому составу населения Хакасско-Минусинской котловины не изменились ни в домонгольский (XI—XII вв.), ни, сколько-нибудь существенно, в монгольский период (XIII—XV вв.), так как собственно монгольские племена в массовом порядке не переселялись на эту территорию даже после захвата ее монголами в 1207 г. Это не значит, что сюда не проникали в это время монголоязычные и иные этнические элементы, но об этих проникновениях мы пока не имеем данных. Следует отметить, что неоднократные восстания хакасов, во главе которых по-прежнему стояли кыргызы, вызывали карательные походы монголов, огнем и мечом усмирявших непокорное население. Монголы даже несколько раз высылали группы «мятежников» за пределы страны. Такие переселения были произведены в 1276 и 1293 гг. В 1276 г. монголы в Приамурье (нижнее течение Сунгари) в области Апалаху основали город Чжао-чжоу и населили его «людьми из племен Усухань, Ханас (хакас?—Л. К.) и Цилицис (кыргыз,—Л. К.)». В 1293 г. там было учреждено военно-хлебопашное поселение.¹

В 1293 г. император Хубилай переселил одну группу кыргызов в На-ян в Северную Маньчжурию.

¹ Чжан-му и Хэ-цю-тао. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских князьях. Перевод с кит. П. С. Попова, СПб., 1895, стр. 171, прим. 35.

Монгольское завоевание и угнетение привели к резкому падению культуры хакасов, расцвет которой в VI—XI вв. так хорошо известен, благодаря подробным сообщениям письменных источников и многочисленным археологическим материалам. Уменьшилось в связи с войною и выселениями количество населения. Отметим, что подробное описание внешности хакасов, данное в Таншу, уже не повторяется в истории монгольской династии Юань (Юаньши), и может сложиться представление, что среди хакасов к этому времени блондинов уже не оставалось. Однако это не так (возможно, конечно, только для групп, проживавших на Чулыме), так как имеется сообщение арабского географа начала XIV в. Ибнфадлаллаха Эломари, который, со слов купцов-очевидцев, сообщает о живущих «в землях Сибирских и Чулыманских» людях: «нет... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые».¹ Эти данные о блондинах на Чулыме, вероятно, следует связывать с кызылами или кызыльцами (кызыл—красный), которые, по сведениям И. Фишера, посетившего их в 1741 г., называются кызыльцами «из-за рыжих волос, которые будто бы были у их предков; ибо это среди татар большая редкость».

К началу XIII в. относится и первое упоминание в источниках о сагайцах. Они упомянуты в форме «сахайт» монгольской хроникой 1240 г. «Сокровенное сказание».² Их называет также, в числе тюркских племен, в своем «Сборнике летописей» знаменитый персидский историк начала XIV в. Рашид ад-Дин в форме «сагаит» или «саканит», но, к сожалению, не сообщает никаких подробностей.³ Поскольку «т» есть одно из окончаний множественного числа в монгольском языке, то следует полагать, что в XIII в. сагайцы называли себя так же, как и теперь—«сагай». Юаньши (под 1293 г.) упоминает уже и «хасха»—качинцев.

Приведенное выше сообщение Эломари является важным свидетельством того, что и к XIV в. физическая ассимиляция потомков древнего европеоидного населения еще не окончилась. Это подтверждается и тибетскими летописями XIII—XIV вв., где о хакасах говорится: «Они имели голубые глаза и рыжие волосы».⁴

Однако языковая ассимиляция (отюречивание) в степной зоне в XI—XV вв. значительно продвинулась вперед и, во вся-

¹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884, стр. 238.

² С.А. Козин. Сокровенное сказание, т. 1, М.—Л., 1941.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 125—128.

⁴ G. Nuth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei, II, Strassburg 1896, стр. 33.

ком случае, тюркоязычное ядро хакасов (кыргызы, сагайцы, качинцы и шорцы) значительно возросло.

При всем том и в период XI—XV вв. население Хакасско-Минусинской котловины в целом, при учете замедленности процесса ассимиляции, продолжало, очевидно, быть еще достаточно пестрым по этническому составу.

VI

Близкую в своей основе, хотя, конечно, и не тождественную в деталях, картину застали на Среднем Енисее первые русские землепроходцы в самом начале XVII в., когда, наряду с тюркоязычными енисейскими кыргызами и целым рядом других, отореченных к тому времени племен, составлявших основное население «кыргызских» княжеств, здесь продолжали обитать самодоязычные (в основном Тубинское княжество на правобережье Енисея и в междуречьи Енисея и Абакана), кетоязычные (район Красноярска и бассейн Кана) и угроязычные мелкие этнические группы, вошедшие к XIX в. в состав современных хакасов.

Русские документы XVII в., хранящиеся в обширном фонде Сибирского приказа, до сих пор изучены и опубликованы еще далеко недостаточно для того, чтобы составить себе детальное представление об этническом составе населения того времени. Эту работу еще предстоит проделать. Кроме того, следует заметить, что и в известных документах содержатся иногда противоречивые сведения или же факты приведены в таком изложении, которое позволяет истолковывать их по-разному, и поэтому необходима критическая оценка всех источников. Следовательно, до полного научного освоения всех этих документов, очевидно, не следует делать категорических выводов, тем более без учета данных других отраслей исторической науки или же выводов таких важных для выявления вопросов этногенеза наук, как лингвистика и антропология.

На основании опубликованных источников по XVII в. применительно к этногенезу хакасов можно сделать, очевидно, следующие общие заключения.

К началу XVII в. на территории Хакасско-Минусинской котловины сохранялась феодальная раздробленность, начало которой, судя по письменным источникам, восходит еще к XIII в. Здесь существовало 4 патриархально-феодальных улуса или княжества: Езерское или Исарское, Алтысарское, Алтырское и Тубинское.

Основное население Езерского или Исарского улуса составляли тюркоязычные хаасы (качинцы), по имени одного из сеоков которых (Бзыр) этот улус и назывался. Другое его название — Исарский — есть географическое название и в переводе с хакасского означает «Внутренний» (от «исты сархы» —

внутренняя сторона). Он занимал земли «внутри» других улусов — от Красноярска и до Абакана по левобережью Енисея. В состав этого улуса входили и некоторые кетоязычные группы. Алтысарский улус, т. е. буквально в переводе с хакасского—«Нижний» улус (от «алтынсархы»—«нижняя сторона»), так как он располагался вниз по течению р. Енисея в современной Северной Хакасии с центром на Белом Июсе. Основное его население составляли тюркоязычные кызыльцы со всеми их родовыми подразделениями.

Алтырский или Алатырский улус также был назван по географическому признаку. Его название происходит от «алатар»—«пестрые» или «белые» («ала» по-хакасски: пестрый или белый), так как этот улус занимал отроги Кузнецкого алатау, которые на картах 1701 г. С. У. Ремезова обозначены, как «Белые горы». Поэтому же Ремезов отличает «белых алтыр» (собственно алатар) от «черных алтыр», т. е. черневых (по-хакасски: чыстар).

Кроме отрогов «Белых гор» Алтырский улус занимал левобережье Абакана до Уйбата и имел центр то на р. Тее, то на р. Нине. Алтырцы частично жили и на правом берегу р. Абакан.

Подобно тому, как современные сагайцы называют ширинских качинцев «алтынсархы чон», т. е. «народ нижней стороны», а сагайцев, в свою очередь, называют «ўстўнсархы чон» (народ верхней стороны), так и алтырцы по-русски назывались в XVII в. «верхними киргизами», а алтысары «нижними киргизами».

Основное население Алтырского улуса составляли сагайцы и их родовые подразделения, шорцы и бельтыры.

Тубинский улус с центром на р. Упсу (по-тюркски) или Туба (по-самодийски) занимал правобережье Енисея до Саянских гор и междуречье Абакана и Енисея, т. е. как раз ту территорию, где, как мы показали выше, распространены самодийские топонимы. Его основное население состояло из самодийских в основном групп и части кетоязычных родов, живших на правом берегу Енисея и примыкавших к кетоязычным территориям бассейна Кана.

Где же жили тюркоязычные кыргызы, именем которых называлась вся эта «Киргизская земля», причем киргизами называли нередко многих из вышеперечисленных групп разноязычного населения? В чем здесь дело и почему это происходило?

Все дело в том, что, очевидно, следует вспомнить разобранное уже нами положение, которое существовало на этой территории еще в VI—X вв., когда разные по этническому происхождению хакасские племена лишь возглавлялись немногочисленной группой кыргызов. И в XVII в. кыргызы, как когда-то прежде, были лишь немногочисленной группой, о которых русские документы XVII в. сообщают, что «всего де киргизов, прия-

мых людей, 100 человек» или, что всех киргизов «самих человек с 300».¹ И эти 100 или 300 (в этом случае, видимо, сюда включены и члены семейств) человек киргизов, оказывается, составляли феодальную верхушку каждого из упомянутых княжеств, т. е. эти 100—300 человек жили не в одном каком-то месте, а в 4 местах сразу, грубо говоря, по 25—75 взрослых мужчин в центрах каждого из княжеств, составляя там феодальную верхушку, управляющую целым улусом «киргизских киштымов».

При таком их количестве ясно, что киргизы в каждом улусе составляли не более чем родовую группу—сеок «киргиз» среди подчиненных им тюркоязычных и др. киштымов, которые, будучи основным населением улуса, в свою очередь, распались на ряд сеоков, по именам которых и становились известны русской администрации.

Отсюда становится понятным почему киштымы заявляли русским, что «киргизы де государи наши», т. е. речь здесь шла о всем сеоке киргизов данного княжества. Поэтому же киргизы, в свою очередь, нередко заявляли русским, что они с киштымами «одни люди и род и племя» и «сами у них женятся и дочерей своих за них выдают, и мысль у них с ними одна». Поэтому же в русских документах нет данных о киштымах из рода киргиз, а выражение «киргизские улусные мужики», так же как и «киргизские киштымы», еще не определяет имени сеока, к которому относились эти люди. Потому же ни в каких документах XVII и XVIII вв. нет никаких указаний о каких-либо собственно киргизских сеоках.

Близкую картину разделения на сеоки мы видим и у современных хакасов, причем у кызыльцев, сагайцев и качинцев до сих пор имеются сеоки «хырғыс».

Уход верхушки киргизских князьков и насильственный угон некоторой части населения в Джунгарию в 1703 г. был предательским актом киргизских феодалов по отношению к хакасскому народу, но и он не изменил основной этнической картины края, так как большинство населения, в том числе и многие киргизы, разбежалось «в камень» и «в черные леса», а некоторые из угнанных впоследствии вернулись обратно.

В истории хакасов уводы и переселения происходили неоднократно, начиная с переселения, устроенного тюрками в VIII в., затем монгольских переселений XIII в., увода 1664 г. совершенного Алтын-ханом, и кончая изменой 1703 г. История последствий всех этих насильственных переселений (которых в действительности могло быть больше, чем нам известно) свидетельствует о том, что этническое состояние населения, в основном, не подвергалось резким изменениям, меняясь лишь на время в количественном отношении. Правда, следует сказать, что после

¹ ЦГАДА, фонд Сибирского приказа, ст. № 286, л. 172 и ст. № 126, л. 47.

1703 г. количество собственно кыргызов уменьшилось и, главное, резко изменилась роль этой группы после добровольного присоединения Хакасии к Русскому государству, закончившегося в конечном итоге строительством Абаканского острога в 1707 г.

VII

Кыргызы, которые входили и входят в состав современных хакасов, являются потоками исторических гянгуней—кыргызов. Это выразилось хотя бы в том, что еще в XVII в. их погребальным обрядом оставалось трупосожжение¹—единственный для них способ погребения, известный науке, начиная со II в. до н. э. Это была с давних времен смешанная, в результате перекрестных браков, группа.²

Хаастар (качинцы), как уже говорилось выше, сохранили свое древнее самодийское самоназвание и являются в основном, давно уже, начиная с VI—X вв. отюреченными аборигенными самодийскими племенами, смешавшимися с кыргызами и, возможно, тюрками. В XVIII в. в их состав влились, отюреченные ими, кетязычные сеоки и затем, в XIX в., койбалы — потомки самодийских маторов Тубинского княжества, также усвоившие тюркскую речь.

Что касается сагайцев, шорцев, бельтыр и кызыльцев, то основные корни их происхождения уходят в выявленную нами древнюю угорскую общность, остатками которой они являются, будучи отюречены также в древности (VI—X вв.) благодаря взаимодействию с кыргызами и, частично, тюрками (особенно шорцы).

Такое заключение подтверждается данными антропологии, археологии, лингвистики и этнографии.

Профессор А. И. Ярхо, производивший в 1924 — 1927 гг. антропологическое изучение народов Саяно-Алтая, выяснил, что современные хакасы разделяются на два антропологических типа: южносибирский (качинцы) и урало-алтайский (шорцы, сагайцы, бельтыры и кызыльцы).

Как выяснилось, уральский тип идентичен типу обских угров и к нему относятся все северные алтайцы (шорцы, кумандинцы, шелканцы и, частично, телеуты).³

Этот вывод принят и уточнен современными антропологами. В обобщающей статье Н. Н. Чебоксарова выделяется «уральская» антропологическая группа, занимающая промежуточное место между монголоидами и европеоидами, представ-

¹ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, стр. 19.

² Напомним, что даже в XVII в. кыргызы употребляли самодийский термин «ожо» (от «Ажо» VI—X вв) в значении «судья». Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, № 15 и № 37.

³ А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947.

ленная главным образом обскими уграми (ханты и маньси). Наиболее важен вывод: «Наличие в составе угрофиннов тех же уральских антропологических типов, что и в составе ненцев, селькупов, сибирских татар, шорцев, части алтайцев и хакасов, является отражением глубоких этногенетических связей между всеми этими народами».¹

Эти указания антропологической науки важны еще и тем, что они указывают и географические районы, через которые установились древние генетические связи населения Западной Сибири с обитателями Алтае-Саянского нагорья. Образуется как бы непрерывная цепочка: Хакасско-Минусинская котловина (хакасы, без качинцев) — Северный Алтай (сев. алтайцы) — р. Томь и Средняя Обь (сибирские татары), ниже — ханты.

Это и есть путь продвижения раннеугорских племен из Хакасско-Минусинской котловины на Среднюю Обь в I—II вв. н. э., что выявлено археологически.

При всем том необходимо помнить, что существовавшая некогда угорская языковая общность впоследствии оказалась разорванной, так как у значительной части живущих в этих районах народов (барабинцы, северные алтайцы, хакасы) наука застала уже тюркские языки. Вероятнее всего здесь следует допустить языковую ассимиляцию без особенных изменений как физического типа, так и целого ряда этнографических особенностей.

И действительно, в этнографической науке существуют мнения, что барабинские татары есть отюреченные угры,² а для шорцев допускается внедрение нового языка (отюречивание) в сложившуюся историко-этнографическую область (охотничье-рыболовческое хозяйство и культура) путем заимствования тюркской речи от южных соседей «без больших переселений».³

Вероятно, в настоящий момент можно наметить и время отюречивания этих народов. В классификации тюркских языков в историческом отношении С. Е. Малова шорский и хакасский языки отнесены к группе «древних тюркских языков», наряду с языком памятников орхоно-енисейской письменности.⁴ Отсюда можно заключить, что в эпоху древнехакасского государства (VI—X вв.) они уже существовали, а начало отюречивания угорских предков северных алтайцев и части хакасов падает в основном на конец предшествующего времени.

То, что какие-то осколки угров, сохранившие отчасти свой язык, дожили в лесной полосе Хакасско-Минусинской котловины до начала XIX в. свидетельствует Г. И. Спасский, первым из ученых собравший в 1806 г. словари койбалского и маторского

¹ Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. СЭ, 1952, № 1, стр. 36—50.

² Ж. «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 95.

³ С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров. Методология этногенетических исследований на материале этнографии. СЭ, 1951, № 4, стр. 18.

⁴ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 7.

языков, к счастью, ныне найденные и опубликованные Л. П. Потаповым. Лингвистический анализ словарей еще предстоит проделать.

Г. И. Спасский указывал, что койбалы в языке имеют сходство «с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки». Угорские элементы были, видимо, и в составе аринов, так как Спасский, отметив сходство их языка с кетоязычными группами, указал, что арины «по языку сходятся с остяками, живущими в нижних местах реки Оби», т. е. с хантами¹.

Весьма важно также, что и тюркологи (Н. А. Баскаков) отмечают следы скрещивания как хакасского, так и северо-алтайского языков с остяцким², происходившее, очевидно, в древности.

Все изложенное, взятое комплексно, свидетельствует о первоначальном вхождении упомянутых выше народов в угорскую этническую общность, хотя затем их этногенез протекал в тюркоязычной среде.

Мы уже рассматривали выше результаты антропологического изучения современных хакасов, произведенного А. И. Ярхо. Отмечалась также точка зрения профессора Г. Ф. Дебеца, который не только на основании анализа соматического (т. е. изучения живых людей), но и большого палеоантропологического материала (т. е. изучения черепов из древних погребений) неоднократно говорил о том, что современные хакасы сложились при большом участии древнего тагарского европеоидного элемента (VII — III вв. до н. э.), который сохранился в их составе, благодаря чему современные хакасы не являются типичными монголами центрально-азиатского типа подобно тувинцам или монголам.

Это означает, что основу современных хакасов составило местное коренное население, формирование которого восходит к глубокой древности.

Во всех приведенных исследованиях не хватало лишь анализа краниологического материала по современным хакасам, т. е. изучения черепов и сопоставления их с черепами из древних погребений с территории Хакасско-Минусинской котловины. Этот материал недавно был получен и исследован В. П. Алексеевым. Результаты не только подтвердили, но и углубили в деталях, теперь уже на более широком материале, выводы Г. Ф. Дебеца.

Краниология сагайцев, койбалов, качинцев, бельтыров и верхнеабаканских шорцев привела автора к выводу, что во всех этих группах имеется европеоидная примесь.

Все эти группы (за исключением качинцев — южносибир-

¹ Г. Спасский. Народы, кочующие в верху реки Енисей, Сибирский вестник, ч. V, СПб., 1819, стр. 2 и 5—6.

² Н. А. Баскаков. К истории изучения хакасского языка. Записки Хакасского НИИЯЛИ, вып. II, Абакан, 1951, стр. 86.

ский тип) относятся к уральскому типу и обнаруживают «большее сходство с самоедо- и угрозьычными народами, чем с тюрко-монгольскими».

Отсюда, на базе изучения всех категорий антропологического материала, исследователем сделан важный вывод: «Антропологический процесс этногенеза хакасов явился результатом смешения европеоидного типа афанасьевско-тагарского населения Минусинской котловины эпохи бронзы с низколицим монголоидным типом, начавшим проникать сюда в начале тагарского времени, по-видимому, с более северных лесных территорий, и центрально-азиатским монголоидным типом, впервые принесенным сюда кочевниками из Центральной Азии в таштыкское время»¹.

* * *

Таким образом, мы закончили рассмотрение в историческом последовательности того этногенетического процесса, который протекал в Хакасско-Минусинской котловине, начиная с глубокой древности, и который, в конечном итоге, привел к формированию современной хакасской народности, сложившейся окончательно в XVII—XIX веках, но основное тюркоязычное ядро которой, включая в него и кыргызов, возникло еще в VI—X вв. в процессе ассимиляции. При этом нами были комплексно использованы материалы и выводы целого ряда наук, имеющих отношение к проблеме этногенеза.

Следует подчеркнуть, что без комплексного подхода к решению вопросов подобного рода всякие заключения будут односторонними.

Основным выводом Доклада является вытекающее из всего вышеизложенного заключение о том, что современные хакасы в своей основе имеют местное происхождение, корни которого уходят в седую древность истории Хакасско-Минусинской котловины, что в своем происхождении хакасы тесно связаны генетическими нитями со многими современными народами Сибири, и не только Южной и не только с тюркоязычными, но и с угорскими народами Западной Сибири и с самодийскими народами Крайнего Севера.

Так с глубокой древности складывалось единство многонациональных народов Сибири, объединенных Великой Октябрьской революцией в дружную семью советских народов во главе с великим русским народом.

Этногенетический путь, пройденный хакасами, свидетельствует о том, что все основные этнические группы, входившие в VI—XI вв. в древнехакасское государство, нередко бывшие

¹ В. П. Алексеев. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. КС ИЭ, т. XXVIII, М., 1958, стр. 92—97.

тогда еще в какой-то части разноязычными, вошли и в состав современных хакасов, ставших в результате победы одного из языков, в конце концов, только тюркоязычными. Причем, процесс тюркизации начался уже в первых веках нашей эры.

В этом смысле хакасы являются наследниками тех лучших культурных традиций, которые развивались населением этих мест за всю их многотысячелетнюю историю.

Местный термин «хакас», сбереженный до нашего времени китайскими летописями, сохранившийся, по мнению лингвистов, в самоназвании хаасов (качинцев), является безусловно правильным историческим именем хакасов, так как он объединяет все те основные этнические компоненты, из которых в результате длительного и нелегкого исторического процесса сформировался хакасский народ.

В заключение следует подчеркнуть, что только благодаря добровольному присоединению 250 лет назад Хакасии к Русскому государству хакасы смогли преодолеть вековую раздробленность и угрозу физического уничтожения, смогли сплотиться в единую народность и с братской помощью великого русского народа в славной семье народов нашей социалистической Родины могут ныне развивать свою, социалистическую по содержанию, национальную по форме, культуру, внося свой вклад в дело победы коммунизма.